

Д.Г. ЕРМАКОВА

*Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь)*

УДК 821.161.1.09 (Фанайлова Е.)
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

РАВЕНСТВО ЛИРИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА С НАЦИЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Е. ФАНАЙЛОВОЙ)

Аннотация: В статье рассматривается проблема лирического субъекта в поэзии Е. Фанайловой. Лирический субъект поэтессы отождествляет себя с нацией, со всем негативным, что она в себя вобрала. История, литература, война, любовь – все аспекты жизни нации переосмысливаются с новых художественных позиций.

Ключевые слова: лирический субъект, новая гражданская поэзия, поэзия Елены Фанайловой, нация.

Осмысление взаимоотношений поэта и родины традиционно для каждой национальной культуры. Проблема «поэт и родина» находит отражение в творчестве каждого значительного автора, и в русской традиции связывается с гражданскими мотивами (А.С. Пушкин: «О, если б голос мой умел сердца тревожить...»; М.Ю. Лермонтов: «Люблю отчизну я, но странною любовью...»; Ф.И. Тютчев: «Умом Россию не понять...»). Такое звучание проблемы обусловлено тем, что, как правило, взаимоотношения поэта с родиной складываются непросто.

Современная поэзия во многом переосмысливает утвердившееся в классической поэзии представление о любви к родине, нации и ее истории, предлагает новые координаты поэтического выражения патриотической темы. Кроме того, современная субъектная система лирики в значительной степени эволюционировала, и новые отношения авторского или ролевого «я» и объективной реальности предлагают совершенно иные, часто неожиданные трактовки традиционной проблемы.

Развитие поэзии последних лет отчетливо демонстрирует возврат к гражданским темам. Сами понятия гражданской поэзии, «новой социальной поэзии» еще находятся в стадии дискуссии, но их общие черты уже в значительной степени проявлены и осмыслены, тем более что недостатка материала для осмысления нет. Заметным явлением, с большим числом участников стал фестиваль гражданской поэзии «Воздух – воздух» (Москва, 2009 г.); в журнале «Новое литературное обозрение» с 2009 г. существует рубрика «Новая социальная поэзия».

Поэзия Елены Фанайловой может быть названа «новой гражданской» без оговорок и уточнений: социальный компонент настолько выражен, что замещает собой исконно лирические категории, как в случае с лирическим субъектом.

Лирический субъект Елены Фанайловой, по наблюдению Л. Горалик, занят «выяснением отношений с родиной»¹, и в ее стихах даже ангелы (только «наши» – русские ангелы!) ругаются матом, потому что они «реальные русские бандиты»². Ангелов люди «достали», потому что у них «головы из резины, сердца из стали». И Бог у этой нации свой – «русский бог» (стихотворение «Курсив мой»), и за душу нации Бог боится.

Е. Фанайлова не может простить родине, что она такая жалкая и ничтожная, не может простить ей молчание, так долго скрывающее советскую действительность. Субъект поэтического высказывания травмирован советским прошлым. Это немаловажно, поскольку преодоление советского опыта выступает генерализирующей чертой в определении понятия «новая социальная поэзия»: «Одной из важнейших черт современного литературного процесса является актуализация идеологического, связанная с радикальным переосмыслением советского опыта»³.

Поэтесса лирически переосмысливает все самое негативное, ничтожное. М. Липовецкий, говоря о поэзии Е. Фанайловой, применяет формулу «негатив негативной идентичности», заимствованную у Л. Гудкова: «...Разъедающее недовольство другими и собой, жалобы на неудачную жизнь, озлобленность, грубость и агрессивность окружающих»⁴. Отметим, что в концепции Л. Гудкова определяющим выступает постсоветский, или посттоталитарный, фон.

В стихах Е. Фанайловой даже мечты негативны. Например, лирическая героиня из цикла «Подруга пидора» с нетерпением ждет момента, когда ей через 20 лет сделают инвалидное кресло с мини-баром.

¹ Горалик Л. О «Балтийском дневнике» Елены Фанайловой // Новая литературная карта России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.litkarta.ru/dossier/goralik-o-fanailovoi/dossier_2050/.

² Фанайлова Е. День разлуки [Стихи] // Знамя. – 2011. – № 11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/11/ku2.html>.

³ Житнев А.А. Идеологическое и медиальное в «новой социальной поэзии» // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2011. – № 2 (24). – С. 151.

⁴ Гудков Л. Синдром негативной идентичности в посттоталитарной России // Вторая Навигация: альманах. – Запорожье, 2005. С. 125.

Очень резко и определенно авторская позиция в отношении нации, ее прошлого, настоящего и будущего выражена в «Балтийском дневнике»:

Нация за меня
Пьет пиво Балтика, курит сигареты Винстон...
Ворует бюджетные деньги...
говорит и показывает глупости...
Пишет в жёлтые газеты, звонит на радио,

Выступает в Доме-2 и Камеди Клуб
Смотрит новости по госканалам

Служит в армии
Воюет в Чечне
По призыву и по контракту
Курит, колетса и бухает
Купается и загорает... («Балтийский дневник»).

И все прежние ценности даны с отрицанием:

Как в старые времена
Не сажает дерево
Не строит дом
Не воспитывает сына

А если ей кажется, что она это делает,
Так это ей только кажется... («Балтийский дневник»)⁵

Такую позицию поэтессы, вызвавшую целую политическую дискуссию в блогосфере, называли «интеллигентским высокомерием по отношению к нации»⁶. Негативную модальность своего лирического субъекта поэтесса объясняет так: «Меня волнует чистая ненависть / Ее лезвиё» («Черные костюмы»).

Ничтожество этого мира, его уродство и искалеченность – все самое черное она находит не только в окружающем мире, но и в самой себе, в связи с чем имеет место проблема нераздельности лирического

⁵ Фанайлова Е. Балтийский дневник // Знамя. – 2008. – № 7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2008/7/fa3.html>.

⁶ Цит. по: Липовецкий М. Негатив негативной идентичности. Политика субъективности в поэзии Елены Фанайловой // Воздух. Журнал поэзии. – 2010. – № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2010-2/lipovetsky/>.

субъекта и нации. Лирический субъект Фанайловой – двойник нации, ее же порождение. И он говорит за всю нацию именно потому, что между ним и ею можно поставить знак равенства. Кроме того, сама поэтесса усложняет механизм отождествления: у Фанайловой то и дело встречается поэтический субъект с ее же именем («Лена и люди», «Лена и Лена», Леночка из стихотворения «Моя милиция занимается айкидо»). Субъективность, существующая «нераздельно и неслиянно» с самой собой, – такая формулировка может быть наиболее близкой к тому, чтобы определить специфику отношений лирического «я» Е. Фанайловой и той общности, к которой это «я» принадлежит.

Для поэзии Фанайловой характерно узнавание и переживание себя в Другом, и, как правило, в негативном Другом. Он знает себя, а значит, знает свою нацию. Другие (негативные) «я» – способ «выяснения отношений» с нацией. Лирический субъект поэтессы как Другой и как часть нации, как правило, ассоциируется с солдатами, бандитами, изгоями общества, которых она порой не может отличить от себя: «Я как солдат прихожу домой и ни боже мой/ кто я здесь и кто здесь он» («Памяти деда»). Лирический субъект предельно противоречив, он то чувствует свою инаковость, то не хочет ее признавать и ненавидит себя за это:

Близнечный миф. Кузнечный цех.
Не отделяй меня от всех
Как в стаде белую овцу
Явление чёрному отцу...

И здесь же выясняется, что среди этих «тупых» и «пленительных пустых», носитель лирического «я» – «такой же псих».

В такой сложной структуре субъектных отношений элементы биографизма, которые могли бы помочь отделить «я» от маски или ролевого героя, выступают в гендерно перекодированном виде. Лирический субъект корреспондент, хирург – как правило, мужской голос. И хотя здесь проявляется сходство с биографией поэтессы, работавшей военным корреспондентом и врачом, «смена пола» отстраняет авторское «я» от лирического. Многие, кто пишет о Е. Фанайловой, придают фактам ее биографии большое значение, особенно отмечая два события: смерть ее любимого человека и события в Беслане, где она работала журналистом. Именно с той поры важным, по собственному признанию, ей кажется только «то, что выдерживает сравнение со смертью», или, как пишет Фанайлова, «см-тью».

В цикле 2008 г. «Балтийский дневник» герой-«нация» выходит на первый план. В словах «От автора» поэтесса пишет, что в ней живет «внутренний негр», «чернокожий афроамериканец» Пафф Дэдди – это еще один лирический субъект и псевдоповествователь, который отождествляется с автором и Россией по принципу отрицания: самый что ни на есть Другой в России – «чернокожий афроамериканец».

Ситуация любви-ненависти к нации и Другому также тесно вплетена в простую систему отношений лирического субъекта. Л. Горалик одним из аспектов «Балтийского дневника» называет «прилюдную любовную разборку между поэтом и Родиной», которую считает «попыткой Фанайловой осознать свое место, свою роль в их болезненном романе»⁷.

В отношениях любви-ненависти к своим-чужим закономерно возникает проблема языка. В стихотворении «Лена и Лена» героиня вынуждена говорить со своим возлюбленным из Белграда на английском – неродном языке для обоих. Это любовь, у которой нет родного языка, любовь, голос которой «перехвачен». Неоднократно возникает мотив пустоты и одиночества на родине: «В России идет снег / Медленно, как в аквариуме («Лена и Лена»)»⁸. Или: «Я люблю заглядывать / В освещенные окна / Там живут аквариумные рыбки / В своих водорослях / Все это ужасно интересно» («Лена и люди»)»⁹. Аквариум – конформистская Россия, ничего не слышащая и не видящая, привыкшая к суете, возне, к тому, что принято, и зависящая от того, «что люди скажут». Героиня Фанайловой отказывается жить по «общенациональной» схеме: бегать на Новый год за елками, подарками, слушать по телевизору речь президента, и только после нее пить шампанское: «Я не считаю себя лучше / Моя претензия круче / Я считаю себя другим, другой, другими» («Лена и люди»). Поэтесса «производит смыслы» для своей промышленной страны, но нация-рыбка не может ими «питаться», потому что не способна «есть буквы».

Отъединение от нематериальной культуры, духовно обедняющее нацию, угрожает в конечном итоге и самому ее существованию. Утверждая, что Россия не знает своей истории, своих героев, своей литературы, Е. Фанайлова касается серьезной проблемы иронично: «Не-

⁷ Горалик Л. О «Балтийском дневнике» Елены Фанайловой // Новая литературная карта России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.litkarta.ru/dossier/goralik-o-fanailovoi/dossier_2050/.

⁸ Фанайлова Е. Лена и Лена // Зеркало. – 2010. – № 35, 36 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru:8080/zerkalo/2010/35/4fa-pr.html>.

⁹ Фанайлова Е. Лена и люди // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 91. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/91/fa16.html>.

красов и Маяковский? Нация их не знает / Еще скажите: Кузмин, Апухтин, Введенский, Хармс...» («Балтийский дневник»). Или показывает совсем другое лицо русской истории и русской поэзии:

Что нас объединяет?
Пушкин? Он стоит на площади,
Под которой нацию взрывали.
Лермонтов? Он воевал на Кавказе

В карательных отрядах,
Как и сейчас воюют.
Ленин? Он лежит в Мавзолее
И давно ничего не слышит.
Гагарин? Я вас умоляю... («Балтийский дневник»).

Линой Горалик назвала такой прием «приемом буквализации привычных мемов»¹⁰, придающим новый смысл устоявшимся понятиям. Это – еще одно средство противостояния своей «ханжеской» родине. Ошибки прошлого, созданные и прочно навязанные советской идеологией псевдоценности невозможно подкорректировать – такова бескомпромиссная позиция Е. Фанайловой. «Фронтовой поэт», по определению С. Львовского, она бросает вызов нации, вступает с ней в открытый бой.

При этом роль поэта (и соотнесенного с «я», и персонажного) десакрализуется точно так же, как беспощадная действительность, в которую он погружен. Часто Е. Фанайлова подчеркивает, что современная поэзия *другая*. Многие стихи кричат об уродстве этого мира, зеркально являя ему его же уродство: «Поэт не может быть мил...»¹¹. Когда надоедает «заботиться о великой русской поэзии», «можно говорить то, что на самом деле думаешь»: так поэт и поэзия становятся в ряду псевдоценностей, требующих развенчания. Это важная идея, объясняющая во многом эпатажную резкость поэзии Е. Фанайловой, посвященной на само понятие поэтического: «И поэзия... отдыхает / В нашем живом ещё, благополучном, трусливом и эгоистичном лице» («Подруга пидора»).

В такой «убийственной» для поэзии ситуации важно отношение к предшественникам. Цитируя или перефразируя А. Ахматову, М. Цвет-

¹⁰ Горалик Л. О «Балтийском дневнике» Елены Фанайловой // Новая литературная карта России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.litkarta.ru/dossier/goralik-o-fanailovoi/dossier_2050/.

¹¹ Фанайлова Е. Подруга пидора // Зеркало. – 2004. – № 24. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zerkalo/2004/24/fa1.html>.

таеву, Ю. Левитанского, других поэтов, Е. Фанайлова их словами говорит о настоящем моменте. Пусть читатель у современной литературы «нервный и тупой», время от времени уходящий в запой, все же, затрагивая «программную» тему поэта и Родины и переосмысливая пушкинский «Разговор книгопродавца с поэтом», Е. Фанайлова, как и Александр Сергеевич, хочет быть услышанной и понятой современниками. В этом, пожалуй, важнейшая точка сохранения миссии поэзии, желающей быть *другой* и вместо романтического противостояния поэта и «толпы» предлагающей «политику лирического субъекта»¹².

Важно отметить, что лирический субъект Елены Фанайловой – это субъект хронического военного положения, как и нация, постоянно находящаяся в состоянии войны и «похабных дембельских наук». Это военная Россия, которой дано только «счастье выживать». Нация привыкла верить «общинным мифам» и тому, что так уж повелось, что ею постоянно командуют.

Как отметил А. Скидан, у поэтессы все войны: Великая Отечественная, Афган, Чечня с ее «дачным опытом», – «как бы взаимопроникают, накладываются, образуя один континуум»¹³, сливаются в одну бесконечную. В такой войне не может быть места высокому героизму:

Я помню кости, сжатые добела
Я знаю о чём говорю, наложив в штаны,
Пока другие праздновали Берлин («Памяти деда»)¹⁴

Война – это смерть, грубость, тупость и животный страх. И всё это у Фанайловой максимально обнажено, доведено до своего предела: бойцы – всего лишь «пюре», и поэтом в изображении войны нет места ни намеку на возвышенность, ни смелости и мужества, ни изображению верного солдата, идущего на подвиг во имя родины, ни преданно ждущей его возлюбленной. Есть только мрачные знаки животного существования в состоянии войны («Они опять за свой Афганистан...»).

Специфика слияния лирического субъекта с нацией отразилась и на других уровнях поэтического текста, в самом языке и стиле. Так,

¹² Липовецкий М. Негатив негативной идентичности. Политика субъективности в поэзии Елены Фанайловой // Воздух. Журнал поэзии. – 2010. – № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2010-2/lipovetsky/>.

¹³ Скидан А. [Отзывы] // Воздух. – 2009. – № 1–2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2009-1-2/opinions/>.

¹⁴ Фанайлова Е. Памяти деда // Вавилон. Тексты и авторы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/texts/fanailova0.html>.

даже сравнение с чем-то русским или метонимия на «национальной» основе имеют негативную модальность: «И волосы на голове шевелятся как русские вши в немецком плену»; «Мама не сыта, как родинамина в окровавленной ране» («Балтийский дневник»); «Они вообще-то как лёд и вино / Как дети русской необъятной войны» («Лена и Лена»).

Язык Фанайловой имеет «военный» строй, он груб, потому что является отражением «работы родной речи в стране природных ресурсов» («Лена и люди»). По замечанию А. Скидана, «Фанайлова пишет не о войне, а войной: её письмо не просто напоминает репортаж с места боевых действий, но и само как будто отплёвывается короткими очередями, зарывается в землю, шлёт позывные, выходит из окружения»¹⁵, поэтому так много нецензурной лексики, которая выступает «стилистическим эквивалентом насилия»¹⁶. Александр Иличевский назвал манеру письма поэтессы «совершенным браком беспощадного ума и беспощадного языка»¹⁷.

История, литература, война, любовь – всё, что переосмыслено Е. Фанайловой, это воздух нации, ее жизнь, ее лицо. «Выясняя отношения» с родиной, страдая за все русское и за всех русских, поэтесса неоднократно спрашивает у нации: «Где ты?», «Кто ты?», «Где мои братцы, где мои святцы – забыты / ...Где эта русская прелесть – закаты, рассветы». Неужели все, что можно сделать для народа, состоит только в том, чтобы «строчить» за него донесения, ведь «поэту положено быть с его народом», так что «давай, поэт, давай / Туда, где твоя нация» («Балтийский дневник»).

Поэтесса подбирает бесконечное множество определений нации. Это непросто, ведь нация, по сути, тоже субъект «выяснения отношений». Это девочка, сидящая на нефтяной трубе и болтающая ногами, лопнувшая жаба, жалкий утконосый «ментёныш», улыбающийся комиссар с окровавленным ртом, Шнур и Путин в гламурных журналах, Пафф Дэдди, «перехерачивающий» мир, дурочка, которая может встать, улыбнуться и накраситься, «деточка, которая совсем себя потеряла» («Балтийский дневник»). Это нация, которая не переносит «объятий тесных, отношений честных», говорит только о светских ново-

¹⁵ Скидан А. [Отзывы] // Воздух. – 2009. – № 1–2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2009-1-2/opinions/>.

¹⁶ Липовецкий М. Негатив негативной идентичности. Политика субъективности в поэзии Елены Фанайловой // Воздух. Журнал поэзии. – 2010. – № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2010-2/lipovetsky/>.

¹⁷ Иличевский А. [Отзывы] // Воздух. Журнал поэзии. – 2009. – № 1–2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2009-1-2/opinions/>.

стях, «о граде на крови, о кладке на костях». Представители этой нации – те, из кого «уж ничего не можно вычесть» («Акварель для Матadora»). Ее взрывают, берут в заложники, травят газом, «а она как будто этого не чувствует» («Балтийский дневник»). Не случайно Москва ассоциируется у поэтессы с образом шизофреника, который не может осознавать и оценивать реальность.

Лицо фанайловской нации – «малые берцовые, которыми юноши играют в городки», то есть – смерть. А смерть всех равняет и обезличивает. В стихах Е. Фанайловой, во всех негативных, грубых, неприглядных вариантах предстает обезличенная нация в лицах.

И все же сама боль поэтессы за народ и страну – тот искомый позитив, который так хочется найти в ее стихах. Несмотря ни на что, в стихах звучит: «Я тебя отвоюю у всех небес, у всех невест / Нация / Хоть ты и совершенно безмозглая и безнравственная / Хоть ты и никому не нужна» («Балтийский дневник»). И если цветаевский вызов касался одного человека («Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...»), то Е. Фанайлова бросает вызов всей русской нации, в самое ее бессердечное сердце.

Поэзия Е. Фанайловой – поэзия конфликта, напряжения, диссонанса, «эффекта сдавленного коллективного крика»¹⁸. Вовлеченность лирического субъекта в отношения тождества с целой нацией способно «придать неотчужденному переживанию его несправедливостей этическую глубину и убедительность»¹⁹.

¹⁸ Голышко-Вольфсон Д. [Отзывы] // Воздух. Журнал поэзии. – 2009. – № 1-2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2009-1-2/opinions/>.

¹⁹ Там же.